

Рудяков А. Н.

ДВУЯЗЫЧИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА

21 век уже избавил и продолжает избавлять человечество от целого ряда иллюзий, сохранение и культивирование которых стало не только обременительным, но и опасным...

Одна из них – иллюзия того, что проблемы языкового строительства, языковой политики в том или ином социуме являются вторичными, производными и могущими быть решенными «с ходу», «похода», «сразу после» наведения порядка в экономике, газовом или угольном хозяйстве и т. д. и т. п.

Многовековые миграционные процессы, глобализация, возникновение мирового рынка труда так перемешали население планеты, что даже традиционно не проблемные в языковом отношении страны стали сталкиваться с ситуациями, когда, например, достаточно заметная (около 20%) часть населения США не говорит поанглийски, а в некоторых регионах трудно найти школу с преподаванием на английском, а не испанском языке. Не удивлюсь, если узнаю, что в тех районах Франции, где не так давно бунтовала молодежь и куда полиция способна заходить очень ненадолго и очень крупными силами, существуют большие группы людей, не говорящих на французском. Список этих стран может быть продолжен.

Можно предположить, что тенденция движения моноязычных социалем (языковых коллективов) в сторону развития полиязычия, является универсальной для 21 и всех последующих веков. Думается, что итогом этого движения станет в далеком будущем не возникновение одного мирового языка, как мы некогда думали, а сосуществование нескольких мировых языков. Человечество всегда будет полиязычным, но конечно же, не в такой степени как сегодня. Сказанное справедливо при том условии, что наше будущее станет демократичным, а не тоталитарным. В этом контексте попытка сделать из полиязычной страны моноязычную представляется обреченной на провал.

В сегодняшнем мире возникает все больше и больше неоднозначных языковых ситуаций, требующих осторожного, взвешенного и профессионального выбора языковой политики. Очевидно, что в США быстрыми темпами развивается двуязычие, и что особенно для нас интересно, так это возникновение американского аналога нашего суржика и белорусской трасянки – так называемого спэнглиш'a – испано-английский жаргона.

Для нас важно рассмотреть не столько те «меры», которые используются другими странами для выбора языковой политики в той или иной языковой ситуации, сколько те принципы, которыми они руководствуются. Для меня в этом смысле стало очень показательным, что конгресс США рассматривая проект закона, призванного защитить английский язык, определил или собирается определить английский как язык государственный с формулировкой: язык, который объединяет нацию.

Я не призываю учиться всему мыслимому у американцев. Я призываю обратить внимание на разумный прагматизм американцев. Они не погрязли в бесконечных и абсолютно беспредметных спорах о терминах «официальный язык», «государственный язык». Они не идут стенка на стенку, решая, каков их английский – официальный или государственный, является ли он языком их бывшей метрополии – Англии или нет.

Они просто сказали: есть мы и наш язык таков.

Иначе говоря, они положили в основу своего решения главную для социума функцию языка – функцию интеграции.

Интеграция общества – вот тот главный принцип, который должен быть поставлен во главу угла при формировании языковой политики любого государства. И если это стало актуальным для такой благополучной в языковом отношении страны как США, то для нас это то, чего требует само существование сложившейся в нашей стране языковой и, к сожалению, внеязыковой ситуации...

Но здесь перед субъектами формирования языковой политики возникает дилемма. Привычнее и понятнее руководствоваться интересами части социума, что и происходит в Украине. Да и тактически выгоднее, потому что язык это мощнейший инструмент власти, инструмент воздействия, регуляции. В этом случае язык, призванный стать консолидирующим, назначается и насаждается официально с использованием всех возможных средств, включая и прокурорское воздействие. Такая языковая политика, будучи конструктивной созидательной по отношению к одному языку, автоматически становится деструктивной (разрушительной) по отношению к другому или другим...

Сложнее и непривычнее руководствоваться в выборе языковой политики не столько интересами, сколько принципами, научными моделями, функциональным анализом.

Осознанно становясь на этот непростой путь, мы обязаны задать себе простой вопрос: какой язык из существующих в Украине способен сегодня интегрировать украинский социум? Или способен ли один из основных функционирующих в нашей стране языков интегрировать, объединить, сделать целым украинское общество?

Разумеется, речь идет о добровольной, партнерской, демократической, интеграции.

Ответы очевидны: нет такого языка! Ни один!

Выходом из создавшейся ситуации, как представляется, может стать языковая политика, осознанно ориентированная на развитие и поддержку цивилизованного дву- и полиязычия. И если мы говорим, что мы кладем в основу нашей государственной языковой политики европейские образцы, то речь не может идти ни о чем, кроме как о двуязычии. Иначе говоря, если мы – Европа, мы должны быть двуязычными, если мы – Азия (разумеется, речь идет не о географическом, а о цивилизационном смысле этих топонимов) – моноязычны. Все большее число в недавнем прошлом моноязычных стран, подобно США, будут сталкиваться в ближайшем будущем с необходимостью признать свою реальную полиязычность и отреагировать на нее тем или иным способом.

Конечно же, принятие и осуществление такой языковой политики потребует и большей мудрости и большего мужества. Центробежность в нашем обществе куда более популярна, чем центростремительность.

Многоязычие, или полиязычие – социальное и индивидуальное должно стать осознанно культивируемым

в АРК. Это, кстати, в высшей степени присуще дореволюционному и довоенному Крыму. Развитие многоязычия молодежи должно стать одной из важнейших целей образования АРК. Оно способствует развитию толерантности, не давая рассортировывать население страны по «языковым гетто». Ведь стратификация социума по языковому признаку стала нормой, стала обыденным явлением. В нашем университете мы (видимо, из благих побуждений) разделили филологический факультет на факультет украинского языка и украинознавства и на факультет – нет не русского языка, а славяноведения и журналистики, тогда как все классические университеты (МГУ, КГУ), с которых стоит брать пример, имеют филологические факультеты, объединяющие не только славянские, но и романо-германские и восточные языки.

Сегодня мы пришли к тому, что для школьников и студентов проводятся конкурсы по украинскому языку отдельно, по русскому отдельно, по крымскотатарскому отдельно. О том, чтобы провести конкурс – условно говоря – «украинский полиглот», на котором выделить и поощрить детей, в равной степени владеющих разными языками, речь попросту не идет. Мы проводим отличные форумы русистов, блестящие конгрессы украинистов или востоковедов и так далее, примеров много. Такое положение вещей оправдано эмоционально, исторически, и к сожалению, финансово. У него нет оправданий только с одной точки зрения – с точки зрения государственной!

Поддержка многоязычия страны как важнейший принцип языковой политики Украины – не панацея, не самый простой путь, не автоматическое решение всех проблем.

Но это единственная языковая политика, имеющая перспективу. Самое забавное, что многоязычие уже реально существует в нашей стране. И говоря о перспективе, мы имеем в виду не возникновение дву- и полиязычия в Украине, а возведение его в ранг цели государственной языковой политики, призванной интегрировать украинский социум.

Самая большая сложность в выборе и осуществлении подобной политики будет заключаться в том, что для этого нужно будет отказаться от наиболее привычного и знакомого политического приема, который деликатно именуется компромиссом и представляет собой достижение равновесия интересов оппонентов за счет взаимных симметричных уступок. Компромисс здесь не сработает. Здесь нужен консенсус, когда ни одна из сторон ничего не уступает, но каждая изменяет свое видение ситуации, способов ее разрешения и удовлетворения своих интересов на основе найденного общего принципа.

Двуязычие – несомненное цивилизационное преимущество любой страны, в том числе и Украины. Важно осознать его именно как преимущество, а не как недостаток, с которым нужно бороться любыми методами. При этом нужно осознавать, что реальная сегодняшняя ситуация чрезвычайно сложна: украиноязычная часть населения пытается вытеснить русский язык. Русскоязычная часть в свою очередь пытается вытеснить украинский язык. Государство в зависимости от того, кто из политических лидеров при власти, или поддерживает одну из сторон, или в принципе не интересуется этой проблемой. Фактически же и та и другая часть населения Украины ратует за моноязычие – украинское или русское, хотя очень часто и те и другие формально – за двуязычие.

Двуязычие социальное обуславливает двуязычие индивидуальное, и конечно же, каждый из жителей двуязычной страны должен владеть обоими языками. Вопрос в степени владения. Такой диалог, когда один из говорящих говорит на русском, а второй отвечает на украинском, абсолютно нормален и нормативен. Он должен быть признан не только как допустимый, но и рекомендуемый способ коммуникации на территориях полиязычных стран.

В этом контексте уместно вспомнить блестящую мысль Вильгельма фон Гумбольдта о том, что каждый из конкретных языков есть одна из попыток человеческого духа найти идеальную форму своего выражения. Все люди независимо от национальности говорят на одном языке – Языке Человека.

Хочется сказать несколько слов и о бытующем среди определенной и достаточно специфической группы людей мнении, что русский язык является языком враждебной, или недружественной нам страны. Я оставляю в стороне политические, экономические, геополитические и прочие не очень понятные для меня аспекты этой проблемы. Для меня как лингвиста очевиден тот факт, что русский язык России и русский язык Украины – это на сегодняшний день достаточно отличающиеся феномены. И это отличие надо увидеть, признать и начинать исследовать. Пора признать, что украинский русский это не испорченный российский русский, а один из вариантов русского языка, существующий наряду с российским, казахским ... вариантами.

Также как существуют британский, южноафриканский, американский и т. д. варианты английского языка, а не испорченный английский.

Старый спор о том, как правильно «на Украине» или «в Украине» беспредметен, потому что, с нашей точки зрения, следует говорить о том, что первый вариант присущ российскому русскому, а второй – нашему украинскому русскому.

Именно – нашему украинскому русскому.

Убежден, что тщательное исследование украинского варианта русского языка является одной из первоочередных задач украинской лингвистики. Равно как и описание того, как взаимодействуют украинский и русский языки в пределах Украины.

В этой связи нельзя не сказать несколько слов о «суржиках», «трасянках» и «спэнглиш'ах», которые уже упоминались в этой статье. Традиционно негативное отношение к этим феноменам языковедов известно, равно как известно и всегда модное стремление к их изобличению и искоренению. Подобный гнев вызывают разве что слова-паразиты, подобные «ну», которые мы искореняем из поколения в поколения, но которые, подобно другим подобным «so», «zo» благополучно существуют во всех языках мира.

В лингвистической литературе, лишенной идеологических наслоений, отмечается, что когда-то суржик был переходным этапом от украинского языка к русскому для тех – преимущественно вышедших из села – лиц, которые, будучи украиноязычными, осваивали русский язык. В настоящее же время суржик служит мостом для освоения украинского языка русскоязычным населением Украины. Скорее всего, так оно и есть, и непонятно, что в этом плохого. Вызывает удивление и распространенное убеждение в том, что в грядущем «светлом завтра»

суржик исчезнет, оставив в покое «чистый русский» и «чистый украинский». Еще одна иллюзия из тех, о которых мы говорили в начале статьи.

Мы убеждены в том, что языковая политика, ориентированная на поддержку и развитие двуязычия в Украине приведет к переоценке суржика. Мы убеждены, что украинская лингвистика признает закономерность возникновения и оправданность существования этого явления, которое в самом ближайшем будущем получит иное – более научное и менее суржиковое – именование. Явления, которое представляет огромный интерес для тщательнейшего лингвистического исследования. Исследования того, каким образом социум, которому посчастливилось располагать двумя близкородственными языками, может использовать лучшие свойства каждого из них в процессе формирования своего языка – языка Украины, который в перспективе не будет «чисто украинским» или «чисто русским».

Поддержка двуязычия как государственная языковая политика должна на определенном этапе вызвать изменения в школьных программах. Наша образовательная (и что тревожнее – воспитательная) модель все еще советская, все еще из нашего общего социалистического прошлого. Не оценивая ее негативно, скажем все же, что эта модель из другой системы общественных отношений, из другого образа жизни. Стабильность и замкнутость жизни в эту эпоху обусловила меньшую потребность в изучении дисциплин, изучающих социальные отношения, языки, психологию. Школьное образование было и есть получением знаний о мире, но не о социуме. Как представляется, эта ситуация должна быть изменена. Школа должна сосредоточить свое внимание на том, чтобы знания, получаемые школьником, располагались в основном на оси координат «человек-человек», «человек-общество», а не «человек-природа», «человек-универсум». В этой школе найдутся часы для изучения языков, психологии, законов, основ здоровья – всего того, что обеспечивает жизнестойкость личности в нашем прекрасном, но жестком мире.

Возвращаясь к вопросу о языковой политике, хотелось бы сказать следующее. В настоящее время в парламенте нашей автономии идет подготовка к обсуждению вопроса о статусе русского языка в АРК и разработка программы поддержки и развития русского языка. Этот факт меня как русскоязычного украинца, как заведующего кафедрой русского и общего языкознания Таврического национального университета, как потомственного профессора-русиста не может не радовать.

Но в то же время не могу не сказать, что как профессиональный лингвист и как патриот нашей страны и нашей республики я был бы счастлив, если бы Верховная Рада Крыма, а затем и Украины приняла и воплотила в жизнь программу развития языков Украины – единую для всех языков, существующих в нашей единой многоязычной стране.

Авдонина М. Ю., Бурукина О. А., Жабо Н. И. АНАЛИЗ КОННОТАТИВНОГО ПОЛЯ ТЕКСТА

Предлагаемый метод анализа текста развивает концепцию коннотативного поля слова [Бурукина, 2002; 2004]. Материалом для анализа было выбрано одно из самых известных французских стихотворений, «Sensation» Артюра Рембо (Arthur Rimbaud, 1854-1891). Автор, один из основоположников символизма, запечатлел свое собственное ощущение, не столько воспринятое органами его чувств, сколько пропущенное через призму его личности и творческого начала. Сочетая игру фантазии и лиризм, он наполняет описание вечерних прогулок личностным смыслом, создавая уникальное коннотативное поле текста. Первый перевод этого стихотворения сделал Иннокентий Анненский в 1904 году, затем его перевели Григорий Петников, Петр Петровский, Бенедикт Лившиц, Вильгельм Левик, Михаил Кудинов, Владимир Микушевич. Приведем полный текст этого произведения:

*Par les soirs bleus d'été, j'irai dans les sentiers,
Picoté par les blés, fouler l'herbe menue:
Rêveur, j'en sentirai la fraîcheur à mes pieds.
Je laisserai le vent baigner ma tête nue.*

*Je ne parlerai pas, je ne penserai rien:
Mais l'amour infini me montera dans l'âme,
Et j'irai loin, bien loin, comme un bohémien,
Par la Nature, – heureux comme avec une femme.*

(Mars 1870)

Рассмотрим коннотативные составляющие начала стихотворения (*голубыми вечерами лета*). Прилагательное *bleu* означает *цвета неба без облаков*. Предполагаем, что индивидуальное коннотативное поле этого слова в сознании Артюра Рембо включает выражение *être dans le bleu* (фиксируется с 1866 года [Rey, v.1, p.420–421]), обозначающее *быть в нереальности/ в иллюзии* (добавим, что в то время выпускались «*les contes bleus*», удивительные, необычайные рассказы, связанные с легендами, – и «*la bibliothèque bleue*», волшебные сказки, приключенческие и любовные романы). Так первая строка помимо прямого значения приобретает актуальное метафорическое значение ухода в нереальность, в иллюзию. Цвет вечернего неба ассоциируется и с христианской символикой возвышенной любви к богу, небесами как обителью Бога, особенно в форме множественного числа, и стоящие рядом слова *вечера* и *тропинки* помогают актуализировать эту тему, причем эта ассоциация развивается в дальнейшем, во второй строфе: *l'amour infini me montera dans l'âme* (*бесконечная любовь поднимется мне в душу*). В. Левик подчеркнул эту составляющую формой множественного числа русского слова: *Когда ни облачка на бледных небесах*. Б. Лившиц создал условно-литературную метафору *В сапфире сумерек* (ассоциации с идеальным и с небесной символикой исчезают, так как сапфир подразумевает в русской традиции темно-синий цвет), но далее неожиданно и контрастно образ приземляется: *пойду я вдоль*